

MEMORIA

В.П. Визгин

Вспоминая Альберта Васильевича Соболева (1936–2019)

Визгин Виктор Павлович – доктор философских наук, главный научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: vizgin.viktor@yandex.ru

Материал представляет собой мемуарные заметки об Альберте Васильевиче Соболеве, с которым автор был знаком и дружен более полувека. В заметках отражены ключевые черты философского мировоззрения А.В. Соболева и проблемы, волновавшие его на протяжении всего его творческого пути – экзистенциально-художественное начало в философской мысли, эстетика ценностного и личностного мышления, эссеизм, поэтика философского текста, персоналистическое знание, антисциентизм, персоналистический культуроцентризм. Мемуарные свидетельства живо и ярко приоткрывают противоречивый, но последовательный, творчески напряжённый, продуманный и прочувствованный философский мир А.В. Соболева. Его творческое дело раскрывается как попытка создать крен в сторону умной художественности в гуманитарном познании. В существенной части заметки посвящены воспоминаниям о дружеских и творческих отношениях А.В. Соболева с автором заметок, С.М. Половинкиным, С.С. Хоружим.

Ключевые слова: А.В. Соболев, С.М. Половинкин, С.С. Хоружий, русская философия, эстетический персонализм, художественный подход к философии, персоналистическая гносеология, культуроцентризм

Для цитирования: Визгин В.П. Вспоминая Альберта Васильевича Соболева (1936–2019) // Отечественная философия. 2024. Т. 2. № 3. С. 85–101.

С Альбертом Соболевым я познакомился в начале 1960-х гг. Знакомство произошло в кругу сблизившихся по философскому кружку на физическом факультете МГУ выпускников естественных факультетов, увлечённых философией¹. А.В. Ахутин, С.М. Половинкин, А.В. Соболев, С.С. Хоружий и я встретились на квартире А.В. Ахутина на Кутузовском проспекте. Помню, как шли к его дому с типичными для того времени болгарскими портфелями, наполненными не только книгами – книжниками мы были все, – но и хмельными напитками и снедью. Что мы тогда чувствовали? Вероятно, прилив молодых ожиданий от нашей встречи. А если шире,

---

¹ О философском кружке на физфаке см.: Воспоминания об И.С. Алексееве // Алексеев И.С. Деятельностная концепция познания и реальности. Избранные труды по методологии и истории физики. М., 1995. С. 393–508.

то и открывающуюся перед нами новую жизнь, теряющуюся вдали... Оживлённо предвкушая интересные разговоры, смелые мысли, обмен книгами и новостями, входили в арку дома с кинотеатром «Пионер» на первом этаже.

Алик Соболев, так мы все его в нашем кругу звали, работал тогда в букинистическом магазине в самом центре недалеко от театра Ермоловой. Там он и начал собирать свою уникальную библиотеку по русской философии. Алик Соболев, как и Серёжа Половинкин, были немного старше нас. Суждения Алика, уже тогда чеканно резкие, порой обжигающе жёсткие, поразили меня и вызвали невольное к нему уважение. С годами наша дружба с Аликом Соболевым только углублялась. Этому способствовали и обстоятельства жизни, когда Алик переехал жить на улицу Обручева в новый дом не так далеко от Тёплого Стана, где жил я...

* * *

Альберта Соболева и Сергея Половинкина трудно отделить друг от друга. Их соединяла сходящаяся несходимость взглядов и типов личности. В результате неизбежных и постоянных «коротких замыканий» искры их раздражённой мысли сверкали во всех дискуссиях во время и после семинаров и конференций, да и просто так – на ходу в коридоре института или дома при встрече...

* * *

Соболев А.В., Половинкин С.М. и Хоружий С.С. выступили инициаторами пробуждения интереса к русской религиозной философии в начале 60-х гг. XX в. Я был их другом с тех самых далёких лет. Осознаю себя хранителем памяти о них. Привожу отдельные сохранившиеся записи, рождённые нашей дружбой с Альбертом Васильевичем Соболевым, встречами и беседами с ним.

27 января 2006 г.

С Аликом Соболевым меня соединяют общая для нас провинциальность души, любовь к русской дворянской культуре и, не без колкости, критический ум.

20 января 2009 г.

У Альберта Соболева, после того, как его отец вернулся из колымских лагерей, родители долго жили с ним вместе. Он стал умеющим самостоятельно выживать человеком потому, что в юные годы пережил опыт тяжёлой беды, вроде «матрасной болезни» Генриха Гейне. Восемь лет пролежал в гипсе в больнице. Такой опыт не мог остаться бесследным. Лёжа на больничной койке в кругу соседей по несчастью, выработал свой решительный, с неизменными привычками холостяка характер. Он резок в оценках людей и явлений, демонстрируя уверенность в своих суждениях. Умеет беречь здоровье, дающее ему возможность жить по-своему.

* * *

Алик Соболев – аристократ и эстет по мировоззрению. Но при этом у него нет совсем вкуса к игре словом, как это было распространено в кругу к искусству равнодушной досужей аристократии! Кажется, такую игру он принимает только у одного автора – Александра Пушкина.

10 февраля 2009 г.

Пухлые писания Дмитрия Быкова* или семиотический «кирпич» о непрямом говорении Людмилы Гоготишвили Алику Соболеву не кажутся «многословием, которое всё убивает». А вот мои коротенькие эссе, он, эстет в философии, читать из-за их «многословия» не может. В чём тут дело? Не в том ли, что в данном случае отсутствует дистанция авторско-читательская – ведь мы с ним знакомы сорок лет и беседовать привыкли тет-а-тет вполне откровенно и обо всём. Сам А.С. совсем не из породы многопишущих и может вынести таких только в том случае, если они по жизни далеки от него.

Не обида ли на «нехотение» читать мои тексты заставила меня написать об этом? Чувство лёгкого недоумения с малой каплей горечи усугубляет то, что свои писания последних лет я считаю попыткой художественного подхода к философствованию. А Соболев художником философской мысли считает себя. Конкуренция ему здесь что ли не нужна? Но и при единстве в таком подходе к философии мы ведь всё равно глубоко различаемся. И почему же ему мой опыт по этой части не интересен? Дело в том, что он давно решил, что я сциентист в философии. А к сциентизму у него, мягко говоря, отвращение. Но если Алик что-то решил, то поколебать его решение практически невозможно. Я не встречал ещё столь уверенных в себе интеллектуалов.

Казалось бы, сорок пять лет, как мы знакомы, да и по взглядам, вроде бы, не слишком уж и расходимся, и проработали в одном институте двадцать лет, и много общих знакомых и друзей, и оба склонны ценить художественное начало в философской мысли. Подумалось: раз он не интересуется моими писаниями, то последнюю, ещё не вышедшую книгу ему и дарить не надо. В чём, однако, тут дело? Может быть, в разнице в возрасте? Алику Соболеву скоро исполнится 74 года. Бережёт своё время. Но ведь и мой возраст – «не мальчик», как говорит сам Алик. Значит, дело в чём-то другом. Ответ я нашёл в размышлениях А.В. Михайлова о Грильпарцере: «Действительно близкие явления и фигуры не привлекают к себе, а привлекают чужие, незнакомые и таинственно неизведанные»².

* * *

Что я ценю у Соболева? Живые непосредственные эмоциональные реакции, совершенно откровенные, нелицеприятные. Его фраза «если надо объяснять, то не надо объяснять» (кажется, взятая у З.Н. Гиппиус), видимо, означает, что интуиции с её потенциалом угадывания сущности предмета достаточно. Объясняют, мол, врагам, а с врагами мы не разговариваем, тем более дружески и философски сразу, то есть по-русски. Но Альберт проявляет здесь, на мой взгляд, чрезмерный радикализм: мол, у объяснения и у интуиции разные функции и сферы применения. В дружеском интеллектуальном общении требуется, однако, и то и другое. Возвышая интуицию, Соболев не замечает, что незаслуженно пренебрегает функцией объяснения. У него наукофобия как позиция зашкаливает. У меня этого действительно нет. Наукофобом я не являюсь, но при этом не являюсь и сциентистом.

Эмоциональные оценки А.С. надо, видимо, ловить, не сопротивляясь. Никаких научно-содержательных разборов спорного сюжета вытерпеть он не может. Он требует, чтобы его воспринимали как оракула. Соболев чрезмерно детерминирован своим стилем мысли, интересами, привычками. Большой интеллектуальной косности я, кажется, не встречал. Меня однажды наповал «сразила» его фраза, когда я

* По решению Минюста в России включён в реестр физических лиц, исполняющих функции иностранного агента.

² Михайлов А.В. Избранное: феноменология австрийской культуры. М.; СПб., 2009. С. 301.

порекомендовал ему книгу И.И. Блауберг о Бергсоне. «Что ж, может быть, – сказал он, – найду в ней что-нибудь о детстве Бергсона...». В творчестве французского философа, в его концептуальном проблемном содержании, в историческом контексте бергсоновской философии Соболева, если судить по его словам, «с порога» ничего не интересует и интересовать, как он считает, заведомо не может. Так он решил раз – и навсегда. Решил намертво. По-другому он вообще не решает. И так со всей философией. Интересует его только очень узкое «своё» – генеалогия, семейные корни мыслителя, поколенческая проблематика, некоторые вопросы философии истории и это почти всё.

Отталкивание Соболевым моих писаний (правда, не всех) всё равно полезно для их автора. С годами чувствую, как становлюсь строже к своим словам. Лишних давно не жалею. В конце концов, задача нас, пишущих, себя «жучить», а не замечать соринки в чужом глазу. Для переделки и исправления нам даны не другие, не мир в целом, а мы сами.

Алику Соболеву однажды я дал почитать свою повесть «Начинающий»³. Авторская сосредоточенность на своём внутреннем мире его оттолкнула. Мы оба, помнится, согласились в том, что если автор, погрузившись в себя, не заботится о читателе с его интересами, то и читатель не сможет не платить ему тем же минимумом внимания. Приспосабливаться к читателю, к его миру или раскрывать ему свой мир, если в нём уверенно чувствуешь нечто ценное и поучительное? Вот вопрос, требующий всегда конкретного вдумчивого ответа у каждого автора, осознающего своё дело во всем его объёме.

В те годы, а это был конец семидесятых, увлечён я был своим влечением читать, сочинять, изучать. Не отсюда ли стеклянная нечувствительность, например, в «Начинающем», к другим лицам повести помимо её главного персонажа? Действительно, при писании этой вещи интерес был в художественно прочувствованном наблюдении за зарождением писательского зуда, за тем, как впечатления от жизни отливаются в привлекающие своей чёткостью словесные формы, как их прорывает и несёт поток речи, её «музыка», её самоупоение. Ведь и Набоков, кумир мой тех лет, которому, однако, подражать я и не думал, не блещет глубиной и тонкостью нравственного духа и житейской умудрённости. Но зато как пишет!

19 ноября 2009 г.

Соболев, как считает Половинкин, в своих речах и текстах живописует пар паром по пару. Живописать *пар паром по пару* – возможно, неосознанно подхваченный Половинкиным парафраз высказывания Жан-Поля «рисовать эфир эфиром по эфиру». Тому пример – последний доклад Соболева. Заявленный как «Школа Павла Новгородцева», доклад его вылился в рассуждения об экзистенциально-художественном начале в философском мышлении⁴. Так не эту ли склонность докладчика к распылению исторического предмета в «аэрозоль» лирико-теоретических «пузырей» имеет в виду Серёжа Половинкин, когда характеризует мысль и стиль Алика Соболева «паром»? Мол, у него предмет превратился в «пар» абстракций и осталась только мысль о философской мысли, согласно которой целое схватывается непрямым и непредметным видением. Предметное и прямое мышление – наука, а не философия. Я готов в этом споре скорее солидаризироваться с Соболевым, чем с Половинкиным. На мой взгляд, разработка эстетики ценностного мышления,

³ Повесть публиковалась с сокращениями в альманахе «Теплый Стан». Полностью опубликована в книге «Записки медитатора» (М.; СПб., 2022. С. 172–250).

⁴ Соболев А.В. О русской философии права (школа П.И. Новгородцева) // Соболев А.В. О русской философии. СПб., 2008. С. 33–64.

целостного и личностного, имеет смысл как специальная задача философии безотносительно к исторической и прочей её «предметности». Но мне близок и историзм Половинкина, всегда думающего в историческом материале, что, впрочем, не может не быть близким и самому Соболеву. По отношению к спорам и столкновениям их друг с другом у меня позиция модератора, вычерчивающего медиану между этими крайностями. Акцент на ненаучности философии с *таким* нажимом, как это делает А.С., мне не свойственен. Но и «позитивистскую» (по слову Соболева) «фактографию» Половинкина я не могу назвать философией, в чём *частично* солидарен с критикующим его Соболевым.

Позитивистское фактографическое сознание, склонность к которому Соболев находит у Половинкина, уместно в каптёрке, на складе магазина, в хранилище мوزهя. В остальном оно – катастрофа для философии столь же, сколь и для науки. Ноль художественности – ноль мысли. А «ползти» по количественно репрезентируемым «фактам» может и машина.

Формулу «Делай, как я!» я не стал бы применять к суждениям об участниках научно-философской жизни. «Делай, как ты сам делаешь, но делай это лучше, чем ты до того делал!» – вот верная формула, на мой взгляд.

15 сентября 2010 г.

Года два назад я был захвачен поздним дневником Пришвина, опубликованным в шестом томе его посмертно изданного собрания сочинений. Сказал об этом Соболеву, и он попросил меня дать ему этот том. Но когда он увидел, что это советское издание конца 1950-х гг., то отказался его взять – мол, чего интересного может быть в *советском* издании? Формальная логика априорных решений (всё дореволюционное – хорошо, всё советское – плохо) меня возмутила, хотя внешне я сдержался, ничего ему не сказал и отвёз толстенный том обратно за двести километров на его место в дачной библиотеке.

У А.С. преобладает опыт книжника. И поэтому на живой личный опыт он порой не реагирует. Не оказывается ли его персонализм в этом смысле чисто словесным, доктринёрским? Ему удобнее действовать по правилам заядлого книжочка с его абстракциями.

А.С. – доктринёрский антидоктринёр. Но я не должен подчёркивать это. Пусть даже иногда это меня задевает: сосредотачиваться на «слабостях» других не следует. Видеть силу, значительность и самобытность каждого – справедливее и мудрее.

Всю жизнь мечтал найти для себя критика, точнее, не для себя, а для своих писаний (а нужнее – именно для себя). Но так и не нашёл. Ни Толя Ахутин, ни Алик Соболев им так и не стали. И вот вывод: я сам должен стать себе таким критиком – и себя, и писаний своих тоже.

Соболев всё время говорит о научно-объективном и ценностном измерениях как о несовместимых, как о внешнеположных друг другу противоположностях. Но, во-первых, разве сама установка на научность и объективность не является ценностной? И, во-вторых, понятие ценности требует экспликации, чего А.С. не делает. Похоже, что он не учитывает к тому же критику этого понятия со стороны, например, Хайдеггера.

Связь ценности с объективностью подорвал своей критикой уже Ницше, связав ценность с волей и истолковав её как точку зрения (например, организма в его жизненной борьбе), как «перспективу» воли к власти, направленной на сохранение и рост её центра. Я не вижу, чтобы Алик Соболев как-то учитывал эту критику понятия ценности. Где у него *философия* ценности?

2 января 2015 г.

Работать сегодня не мог: самочувствие не из лучших. Мокрая уборка в комнате, пылесос. Пошел развлекаться к Алику Соболеву. Извиняясь, он сразу стал читать вновь написанное. Всё на ту же «вечную» для него тему персоналистической – и аристократической, и художественной, и символической – гносеологии. Впечатление от читаемого: вышивка очередного сюжета по уже давно проторенным контурам – уместный эпиграф, продуманная композиция, остро колющая цитата и т.п. А.С. хочет написать так, чтобы читатель проникся его мыслью совершенно. Чтобы он загорелся ею и, вобрав в себя, продолжил за пределы им самим, Альбертом Соболевым, уже высказанные. Он хочет уподобить другого себе. Да так, чтобы другой продолжил его внутренний мир дальше, раскрыв те семена мысли, которые у самого Алика остались нераскрытыми. Соболев хочет быть учителем. В нем есть жилка педагога и идейного борца-пропагандиста, что отвечает духу шестидесятников, интеллектуальных героев тех самых лет, когда он сам стал духовно созревать и осознавать себя вполне. Как ни странно, Алик стремится как настоящий философ германской выучки, для него, казалось бы, совершенно невыносимой (ведь это он подхватил хлесткое словцо о «тевтонском пленении» русской мысли), к системной философии. Хочет убедительнейшим образом изложить свою доктрину. Не антидоктринёрский ли он доктринёр? Вопрос риторический. Так и есть, но всё же доктринёр! А возраст подобного системного учения не позволяет ему достичь: через тройку месяцев ему будет семьдесят девять лет.

12 июля 2015 г.

Болтают о гуманизации машин, о том, что они становятся всё более и более человекоподобными. А на самом деле сам человек стремительно машинизируется. С печалью и болью вспоминаю годы, когда в нашу жизнь стали входить компьютеры и сотовые телефоны. В результате люди стали постепенно, но достаточно быстро исчезать из жизни людей. Почти прекратились милые долгие душевные разговоры, застолья с их пиршествами духа, платоновскими симпозионами. Взамен стали скупой информативно сообщать друг другу новости, интересоваться компьютерными программами и приложениями, антивирусами и защитой от спама-хламов и тому подобной прежде немислимой технической чепухой. Перестали даже звонить по обычному телефону и рассказывать о живых впечатлениях, звать на доклады, в гости и т.п. Всё стало мёртво машинным. Сознание в особенности оказалось подмятым информацией. А знание утратило своё величие и достоинство, сплюснись до набора технически значимых сведений. Электронные суррогаты душевной активности потеснили живые, настоящие души. Только махровые консерваторы и реакционеры, вроде Соболева, ещё сохраняют остатки стародавней душевности. У Алика нет ни компьютера, ни сотового телефона, он по-прежнему просит секторскую секретаршу набрать его текст на машинке. Она, конечно, использует компьютер. Он же сам пишет, правда, не гусиным пером, но шариковой ручкой.

20 ноября 2015 г.

Алик Соболев сказал, что в следующий четверг он точно уж подаст заявление об уходе из института на пенсию. Причина: невозможность, как он считает, писать статьи на должном уровне философской работы. Я ему говорю: вот ты написал статью, её набрали, распечатали тебе, раз ты не работаешь на компьютере, ты видишь её слабые места, знаешь, где расплылся в мелочах, утратив мускулатуру письма и единство мелодии речи, так убери же эти места, подправь, и ты улучшишь достойный внимания текст. Так я ему говорю и талдычу уже года два с тех пор, как А.С. стал замечать, что память его подводит, мысли трудно сосредотачивать на интересующей тебя проблеме, они разбегаются, как тараканы на свету, и поэтому

желанной упругости хорошо сделанного, выразительно «выпуклого» текста, за которым стоит объёмное мышление, ему не удаётся достичь. А оставаться в памяти людской со слабыми, плоско по трафаретам написанными произведениями он решительно не хочет: лучше, говорит, совсем сойти со сцены.

Что-то подобное, видимо, приближается и ко мне. Я только на четыре года младше Алика Соболева. Но пока держусь. У меня другое видение задач, другой стиль. Выстраивать речь так, чтобы мысль летела прямо и уверенно, чтобы читатель легко подхватывал её, и она его увлекала, хочется и мне. Достигаю ли я этого?

23 апреля 2016 г.

Алику Соболеву больше всего в моей книге о Пришвине понравился абзац о Мурманске и Полярном, где я родился. Почему? Не потому ли, что в этом пассаже в одно тесное кольцо сомкнулись общая действительность страны и эпохи и сугубо личная судьба?

Мы с ним совершенно согласны в том, что художественность философии не надо декларировать, её нужно демонстрировать, показывать самым философским делом.

3 октября 2016 г.

Полдня в Коломенском – на ноте феерии. Теплынь, народ валит в парк. Нас со «старцами», в которые с А. Соболевым и С. Половинкиным причисляю и себя, пять персон. Юлия Мелих со Штефаном ведут нас на праздник. Началось представление с ярмарки мёда. Забрали прямиком к чувашскому пчеловоду. Цены умеренные, к его мёду доверие. Забрали у него с пуд мёда. А он нам в подарок дал две бутылки медовухи. Сели на скамейку и стали дегустировать. Альберт, выше всего на свете ставящий ум, поберёт себя от алкоголя. А мне и невдомёк было, что в медовухе он есть. Напиток ароматный. Пьется легко. Напоминает квас. Сладковат и душист. Выпили на троих две бутылки.

За длинным столом расселись симметрично: гости на одной лавке, а Юлия со Штефаном, нас пригласившие, напротив. Слышимость не была на высоте. Альберт сидел от меня далековато. В последние полгода он заметно ослабел. Говорит не так громко. Сказал, что ему трудно долго находиться в вертикальном положении – начинает болеть спина. Надо лечь. С глазами у него неважно. Всё лето ничего не читал. Что он делает? Об этом даже не успел с ним поговорить.

За столом возникла обычная перепалка Соболева с Половинкиным. Серёжа, на мой взгляд, неудачно сравнил писания Альберта, весьма скудные по объёму, с «бланманже» – липко, сладко и (ему) противно: «Вот, например, – говорит, – очерк о Вышеславцеве...». Алик парирует: «Это одна их самых удачных моих работ...»⁵. А Половинкину она – «бланманже». У них разные вкусы. Совершенно. Половинкину подавай математически точно отпрепарированный материал, кишачий именами, сносками и «измами». Алик же пишет лаконично, эстетски и эссеистски. Его заботит поэтика текста, композиция, каскад изломов, воздействующий на читателя музыкально, пробуждая у него встречное вдохновение и раскрывая при этом самое главное в творческой личности того, о ком он пишет. Увы, я, кажется, увлёкся, изложив в этой фразе скорее своё собственное кредо письма, чем соболевское. Но всё же нет, точнее будет сказать, сквозь пересечение наших манер показал нечто типичное для собственно соболевской поэтики письма...

Почему же «бланманже»? Лучше было другое сравнение стиля Соболева, им же, Половинкиным, данное – «пар». Вот это больше похоже. Пар лёгкий, но может

⁵ Соболев А.В. Борис Вышеславцев // Соболев А.В. О русской философии. СПб., 2008. С. 115–127.

быть и обжигающим. Предполагает возгонку, сублимацию, отлёт от «эмпирии» и вообще какое-то «парение». Воспарение. В «паровой» стилистике для меня есть несомненный плюс. Ведь этот стиль никак не хуже «научного трактата», а скорее, в большинстве случаев наукообразного изделия с его гелертовской засушенностью, которая иногда проступает у Половинкина. Но как человек Серёжа остроумен без навязчивости и позы, естественен и благожелателен, всегда готов к искреннему общению. Нравственно крепкий человек. Неспешный, внимательный к другим. Никак не анахорет, что есть, кажется, у меня и по-своему у Алика.

За столом слегка затронули модные темы, в том числе «наплыв мигрантов» и положение Германии, которую после 1945 г. «просветили» американцы. Да, Юлия сказала именно о «второй волне Просвещения», которую принесли англосаксы. Как бы второй раз принесли в сердцевину Европы, на сей раз из-за океана, подновлённый «Кодекс Наполеона», поймавший прежний германский дух в ловушку и дочиста опустошивший его. «Героями» стали ранее германцами полупрезираемые «торгаши», старающиеся переплюнуть в этом отношении самих американцев. Так ведь и Хоннекер на востоке павшего рейха старался показать, что он больше марксист-ленинец, чем сам Брежнев.

19 июля 2018 г.

Под занавес поминок по новопреставившемуся Сергею Михайловичу Половинкину появились отец Андроник (Трубачёв) с матушкой Марией. Речи лились чистые, приподнятые, устремлённые к небесному пределу земной жизни. Покойный друг наш был скромным, умным и остроумным человеком. Благожелательным, общительным, верным и надёжным. Со своими пристрастиями, особенностями, привычками... А кто устроен иначе?

Вскоре пришел и Алик Соболев, бледный, с всклокоченными неопрятными волосами, каких раньше у него никогда не было. Ну, полубезумный король Лир! И повёл свою речь точно в противовес латинской мудрости, предписывающей говорить об умерших по формуле *aut bene aut nihil*. Помнится, Алик восторгался Монтенем, его чутьём к переживаемому моменту. Мол, быть умным – значит быть кстати, жить кстати, уметь произнести уместное слово, совершить подходящий для текущей ситуации поступок, сообразуясь, перед кем и для кого, и по какому поводу, и для чего говоришь и действуешь. А тут – поминки. По близкому другу...

От Соболева ждали проникновенных слов об усопшем друге. Но Алик начал своё слово не с итоговой характеристики почившего друга, а с самозащиты в своём так и не разрешённом споре с ним, называя его не по имени, а по фамилии, как это принято в гарнизоне или бурсе: «Половинкин – моралист, ханжа, лишённый художественного чувства, ничего не понимавший в искусстве, а потому и в философии...», в отличие от меня, Альберта Соболева. Правда, такие слова так и не слетели у него с языка, но подразумевались его речью. И потом вдруг нудно-нудно, как показалось большинству присутствовавших, Алик заговорил почему-то о Сталине, о том, как Половинкин не смог понять значения вождя для победы, какая великая свершалась тогда эпопея, в которой главнокомандующий играл роль первой скрипки: «Как же эффективно под его руководством в труднейших условиях тотальной войны было осуществлено перебазирование оборонной промышленности с Запада на Восток!». Это исторически верное замечание, на мой взгляд. Но причём здесь Половинкин?! Пусть у Соболева с Половинкиным шли ожесточённые споры по этим сюжетам. Пусть всё так и было. Я тому свидетель. Помню, как много раз пытался их примирить... Но сейчас мы собрались на поминки Серёжи Половинкина, а не на конференцию по истории СССР.

Неуместность речи Алика Соболева всех поразила. В.П. Троицкий, услышав такое, тут же «слинял», поторопившись на электричку. После его ухода Алик впал

в ещё больший градус несоответствия ситуации. Полилась уже махровая «достоевщина». Алик стал говорить такие вещи, которые только самому близкому другу можно разве что на ушко прошептать. Матушка Мария первая не выдержала, попросив полушёпотом: «Да, остановите, остановите же вы его! Остановите!»

Многим подумалось: не перверсия ли это ума в силу тяжкого недуга, усугублённого старостью? И потому пришедшие помянуть раба Божия Сергия насупились и молчали с неприятным чувством от бестактности, которой они стали невольными свидетелями.

Стало ясно, что поминки закончены.

Январь 2021

- Как вы жестоки!

- Я не жесток – я логичен

(из разговора)

Логика и слёзы: что сильнее? Алик Соболев, царствие ему Небесное, однокурсник Серёжи Хоружего по физфаку, помнится, чертыхался, читая вводные пассажи хоружевских статей в «Вопросах философии». В одной из них Серёжа, по его слову, особенно насадно дудел в поднадоевшую Алику, да и мне тоже, дуду «антропологической революции», им, Серёжей, якобы совершённой. Стиль введения статьи показался Соболеву особенно напыщенным, претенциозным и потому пустым по мысли. Алика он просто «достал». Хотя Хоружий был в высшей степени, как это ему свойственно, логичен, Алик в раздражении бросил номер журнала, так и не дочитав статьи. А сказать прямо о своём впечатлении Серёже не мог, ибо зарёкся говорить и спорить с ним на теоретические темы. Застарелая политкорректность? Можно сказать и так, хотя просится другое слово – деликатность друга.

Прийти в себя после смерти Альберта Соболева, а перед тем – Сергея Половинкина, никак не могу. В рассказах их близких промелькнула одна общая черта: и Алик Соболев, и Серёжа Половинкин перед тем, как умереть, *согласились* на умирание, быть может, даже стали ждать смерти, перестав ей сопротивляться. Угасла воля к сопротивлению, к борьбе за жизнь по императиву поэта – «быть живым, живым и только, живым и только до конца»? Знаю, Алик любил эти строки Пастернака.

Серёжа Половинкин, когда за пару месяцев до кончины я говорил с ним по телефону, удивил меня сменой тона. Мне показалось, что в нём произошёл внутренний слом. Возможно, он стал более интенсивно думать о своём земном конце. Но сил физических и духовных в нём ещё было много. Однако страдания и удары были суровы и жестоки. В гробу лежал совершенно неузнаваемый человек. Я знал, можно сказать, почти шестьдесят лет *другого* человека. Лоб покойного был глубоко изуродован падением. Черепная кость оказалась основательно проломлена. Он невероятно исхудал, лицо хранило зримые следы предсмертных мучений.

Алик Соболев, напротив, в гробу выглядел чуть ли не помолодевшим. Спокойным, хочется сказать, здоровым. Никаких следов мучений физических! Перемен грубых, очевидных на его лице не было видно. Спокойное умиротворённое лицо, такое, какое было у него в последние годы его жизни.

Наташа, жена племянника Алика, говорила, что в последние часы он молился: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного...». Но от священника и причастия отказался. Алик называл себя неверующим православным. Но в последние годы я замечал, что, стоя в дверях и провожая меня, он осенял грудь мою крестным знамением как благим напутствием...

Помнится одна недавняя сцена. Мы троём стоим в дверях Аликовой квартиры: он сам, я и Володя Рокитянский с рюкзаком. Серёжа Половинкин недавно умер,

и Альберт уже не мог его пригласить к себе в гости для застольной дружеской беседы, что он любил больше всего на свете. И вот вместо него пригласил Володю Рокитянского, друга, как и Серёжу Хоружего, с физфаковских времён.

На «десерт» нашего застолья Алик Соболев рассказывает:

Когда в дни битвы на Курской дуге молодого Покровского пригласили художником в Большой, то он, придя в театр, сразу же оказался на репетиции оперы Сергея Прокофьева «Война и мир». Отзвучал последний такт, музыка смолкла. Покровского попросили высказать своё мнение. Он начал, как и все выступавшие, с объяснений, почему, по его мнению, постановка получилась. И вдруг видит, что Гаук, дирижёр Большого, плачет. И тут Покровского пронзила мысль: если сам Гаук, великий Гаук, плачет, то какие тут могут быть слова? Какие тут ещё объяснения?! Покровского ослепила мысль: все самые умные оценки и суждения, все эти бесконечные «за» и «против» бессмысленны, излишни, если происходит ТАКОЕ! Если сам Гаук плачет! Ибо слёзы сильнее логики.

Вот ещё такой рассказ Алика:

С пяти до десяти лет, – рассказывает он, – я пролежал в гипсе. Позвоночник мой благополучно догнивал. Но всё же молодость брала своё. И однажды меня выписали из больницы. Я приехал домой. Стал ходить в школу. Был я тогда настолько самовлюблённым мальчишкой, что себя считал пупом Земли, а всех других презирал. Границ моему высокомерию и зазнайству не было. И вот однажды, разговаривая с одноклассником Сашей, я его больно обидел, оскорбил, причём просто так, безо всякой причины. Моя мать всё это видела и слышала (отца тогда уже не было с нами – он был в лагере на Колыме). Как только обиженный мальчик ушёл от нас, она сказала: «Альберт, как же неблагородно ты поступил!». Потом отвернулась и ушла в свою комнату. Тогда я не понял её слов. И пошёл к ней, чтобы она мне объяснила, что же плохого в том, что я отчитал Сашу за его глупости.

Когда я вошёл к ней в комнату, то увидел, что мать ничком лежала на кровати. И плакала в подушку. Её слезы, рыдания пронзили меня насквозь. Этот случай я запомнил на всю жизнь. И когда пришёл час, понял, что слёзы лучше логики знают, что есть истина и правда.

В последних статьях Серёжи Хоружего, с чего я начал этот рассказ о Соболеве, была, говоря его, Алика словами, *логика*. Алику же хотелось, чтоб в речи философа было хотя бы немного и слёз.

Два этих рассказа Алика, Соболева хочется соединить в одну новеллу и назвать её *Логика и Слёзы*. Смысла философского послания Альберта Васильевича Соболева лучше мне не сформулировать.

* * *

«Ты ищешь форму, маленький гончар...»⁶. Когда возникали у меня эти стихи, то думалось о том, чему всю свою долгую жизнь посвятил Алик Соболев, работая в мире философии и гуманитарного познания в целом. Он искал *форму*, художественно выразительную форму для своей мысли о движениях духа в культуре, особенно в русской.

Гелертовство, тевтонским пленением всажённое до самых корней русского ума, выводило Алика Соболева из себя больше всего. Его философия, «концепция», если по-тевтонски, состояла в том, чтобы, занимаясь гуманитарным познанием, стараться писать так, как это делал Сергей Аверинцев – умно, с основательным знанием

⁶ Визгин В.П. Чистые тетради. Стихи. СПб., 2019. С. 193.

существа проблемы, но вместе с тем художественно-выразительно, пусть даже порой чрезмерно лаконично, но только не наукообразно и многословно.

Алик пуще всего опасался, когда в творческую работу над статьёй включается автомат «научной болтовни», когда перемешиваются иностранные термины, когда вяло, нудно, но тупо и упорно всплывают в сознании разные разности из эрудиции пишущего. Не дай бог вступить на эту механическую стезю! Утонешь в квазиучёном словоблудии. Соболев старался такой напасти избегать. Поэтому писал, особенно в старые годы, по-аптекарьски скупое, перечитывая мне – думаю и знаю, что не только мне – написанное. Таких записей, предназначенных стать при удаче статьёй, скажем, за неделю скапливалось немного. Я работал по-другому: писал как бог на душу положит. Но потом уже приходилось серьёзно дорабатывать, иногда радикально и мучиться над формой. Да и содержание тоже приходилось всё время уточнять и совершенствовать. А он так не мог. Не отпускал удила. И писать поэтому ему было архитрудно.

К Алику Соболеву слушать его кредо ходили такие, потом ставшие известными, люди, как, скажем, Андрей Кураев*, который потом станет диаконом и популярным религиозным писателем, и Виталий Махлин, ставший доктором философских наук, пишущим на тему, близкую Соболеву, т.е. об эпистемологии гуманитарного познания. Алик совсем был лишён чувства собственности по отношению к философским идеям. Стремления за столбить за собой выдвигавшиеся им интересные идеи, касающиеся гуманитарного познания, у него не было, хотя именно в этой области он шёл по следам русской философской школы первой половины XX в., которую как историк знал на редкость основательно. Но он не скрывал, что ходившие к нему домой на собеседования молодые люди, с которыми он много общался, испытывали его влияние. Этого ему было достаточно. Важно, считал Соболев, чтобы ценные мысли подхватывались и развивались дальше. А персональное авторство в интеллектуальном мире не стоит того, чтобы из-за него суетиться.

* * *

Аверинцев – вот идеал Соболева. Всё у него ладно. Выстроено по продуманной, подходящей для читателя фигуре речи – и как значительно по мысли, по её широте и глубине! Как интересно читать и думать, открывать для себя новое, вникая в его работы! Идеал Алика – воплощённое вдохновение, которое не может не вдохновлять других. В этом его сила.

Альберта Соболева дело в нашей философии – именно в этом: создать крен в сторону *умной художественности* в гуманитарном познании. Научиться быть в интеллектуальной культуре действительно и глубоким, и по-крупному выразительным. Писать свои работы так, как, например, писал литературно-критические опыты австриец Гуго фон Гофмансталь, которого Альберт так любил цитировать.

* * *

Писать о русском гегелянстве было тягомотно для Альберта Соболева. А продекламировать старинные вирши вполне достаточно, чтобы почувствовать зачарованность русского ума тевтонской наукой:

---

* По решению Минюста России включён в реестр физических лиц, исполняющих функции иностранного агента.

Еду ли в Южнов на тряской телеге ли
Или на бричке еду из Брянска я –
Только о Гегеле, только о Гегеле
Думы мои, мои думы дворянские!

Эти нехитрые строки с милым для меня топонимом в виде Южнова, в котором побывал и даже немного часов провёл там и вокруг него, думая о далеких 1941–1943 гг., когда туда, кстати, приезжал И. Сталин. Было это в 1943 г., когда смоленско-калужская земля освобождалась от немецкой оккупации. Верховный главнокомандующий Красной Армии посещал штаб Западного фронта, находившийся в южновских лесах. В тех же местах жил на даче своей и Серёжа Половинкин. К нему в его далекую деревеньку я так и не добрался. А потом он переехал на другую дачную усадьбу, уже где-то под Каширой. Потом его не стало на этом свете, а вслед за ним ушёл и Алик Соболев, которого отделить от Серёжи Половинкина так же невозможно, как северный полюс от южного... Были они координатной сеткой воскресающей русской философии, её добровольцами с 1960-х и почти до начала 2020-х гг.

А вспомнились эти стихи про русско-дворянского гегельянца потому, что вот так, по Соболеву, надо писать о философских сюжетах – сжато, точно и в образах, окольно, косвенно, намёком давая понять главное, на что ты набрёл в своих научных изысканиях. Это убеждение разделял и я, придя к нему своим путем.

К занятиям русской философской мыслью как фокусом всей жизни и работы Алик пришёл раньше меня. Тогда, когда он ещё работал продавцом в книжном магазине, вращаясь среди букинистов и книгоманов вместе с Серёжей Половинкиным и Стасиком Джимбиновым. Я же в то время касался мира московских книжников лишь слегка. А с Джимбиновым тогда вообще не был знаком. Разве только слышал о нём по рассказам Соболева. Алик регулярно беседовал с ним по телефону, обсуждая каждую книжную новинку. Именно Джимбинов посоветовал Алику не забывать о книжных развалах на площади трёх вокзалов. Потом мы с Соболевым туда зачастили вместе. Помнится, однажды, на дороге, идущей впритык к железнодорожной линии через неприглядные окрестности, встретили Джимбинова. Он вёз свою добычу в большой каталке, скупая по недорогой цене залежавшиеся в московских магазинах книги. Тогда, в 1990-е гг., да и позже, книг издавалось огромное множество. Немало из них не раскупалось. И вот оценивались и попадали на распродажу в лавки в районе трёх вокзалов... Я до сих пор использую, например, переводные энциклопедические словари Вебстера, купленные там вместе с Аликом...

Персоналистическое познание предполагает направленность познающей активности на самого человека. «Книга оспорима, а человек – нет», – говаривал Василий Васильевич Розанов, которого так пламенно и нежно любил Соболев. На языке историко-философской номенклатуры Алик Соболев предстает эстетическим персоналистом. Персоналистическое познание, о котором он не устал говорить и устно, и, реже, письменно, обращено к человеку и из человека как личности исходит. Лейбницеанство в качестве метафизики персонализма Соболев, в отличие от Половинкина, не жаловал. Он предпочитал практиковать свой артистический персонализм в конкретных историко-философских эссе, теоретизируя его очень осторожно и не прибегая при этом к классической метафизике, если не считать его любимой цитаты из Платона о том, что только благородные души имеют право заниматься такой наукой, как философия... Урок Хайдеггера, третировавшего метафизику, он глубоко усвоил. К отвлечённому системному теоретизированию его не влекло ничуть, хотя сам Хайдеггер его не чурался. Алика Соболева привлекали задачи постижения специфики *гуманитарного* познания. Особенно в искусстве и истории, хотя и не только в них...

Восемь лучших лет жизни Альберт провел в гипсе на больничной койке. Лёжа на больничной койке, он привык «щёлкать» математические задачи. Куда больше его привлекли три чёрных тома Белинского. Крен от точных наук к гуманитарному знанию наметился уже тогда. Когда его болезнь удалось с помощью новых препаратов вылечить, он наконец-то с большим опозданием получил школьный аттестат и поступил на физфак МГУ. Когда он оказался на студенческой скамье, он был уже вполне взрослым человеком. Теоретическое научное знание, как математика или физика, не казалось ему трудным, более того, он вскоре понял, что оно его и не слишком интересует. И вот начинаются его скитания по факультетам, закончившиеся тем, что с физического он, в конце концов, перешёл на философский. Но и там научный стиль изложения философии его не привлекал. Научный стиль вообще его не воодушевлял и не привлекал. Что же произвело на него глубокое впечатление, действительно увлекло? Незабываемыми оказались лекции по истории западноевропейского искусства, которые читал В.Н. Лазарев. Переучиваться на профессионального искусствоведа было уже поздно. Альберт оказался в характерной для него парадоксальной ситуации: любить полюбившееся всей душой, но не быть в этой сфере дипломированным специалистом. В результате дилетантизм (от ит. *dilètto* – милый, любимый) становится его судьбой. Дилетантизм не как недоразвитие до специализма нормы, а как высокий дилетантизм широты интеллектуальных интересов и художественного вкуса во всех познавательных начинаниях и свершениях. Высокий дилетантизм становится его судьбой. Кстати, впоследствии он показал серьёзные возможности такого, можно уточнить, благородного дилетантизма именно в философии.

Сергей Хоружий, учившийся с Аликом Соболевым в одной группе, однажды в застольной беседе, когда речь зашла о начале 1960-х гг., вспомнил, что Соболев с энтузиазмом посещал поэтический кружок при МГУ. Алик запомнился ему такими афоризмами: «Классическая механика – первое приближение к реальности. Квантовая механика – второе приближение к реальности. Поэзия – третье и самое лучшее!». Тирада эта с пафосом вылетала, подчеркну, из уст студента физфака!

В свои *Lehrjahre* кроме увлечения историей искусства, как на свидание, Соболев спешил на занятия в поэтическом кружке Николая Старшинова. Он и сам пробовал писать стихи. Но трезвый и уверенный в себе ум его решил, что его стихи не многого стоят. Альберт же стремился, как настоящий дилетант, к высоким ступеням культурных достижений. Он всегда прежде всего выстраивал в своём сознании градации талантов. И стремился брать себе в образец самое высокое. И он бросил их сочинять. Однако русская поэзия задела его глубоко и навсегда. Опять: в душе поэт, но стихов не пишущий. Большой любитель живописи, но не работающий кистью. Рационалист до мозга костей, но не создающий концептуальных систем, в пик своего реалистически настроенному уму страстно исповедующий интуитивизм, косвенную речь с её метафоричностью и музыкально подаваемой тональностью. Все эти компоненты и составили его идеал гуманитарного познания. Даже в религиозном самоопределении он сам характеризовал себя как «неверующего православного». Клубок антиномий, казалось, воплотился в его личности. Личность, так себя конституирующая, не могла не нести в себе творческого потенциала, залога оригинальной мысли. С такими данными он должен был стать эстетическим персоналистом. И он стал им.

Вижу два типа философов: философ-историк и философ-поэт. Гегель – философ-историк. Шеллинг – философ-поэт. Серёжа Половинкин – философ-историк. Алик Соболев – философ-поэт. Кстати, Серёжа Хоружий как философский типаж тот же, что и Половинкин, то есть философ-историк, и даже, лучше сказать – философ-учёный, философ-физик. И Соболев не переставал об этом говорить, правда, не применяя такой типологии. Кстати, напомним, что она описывает идеальные

типы в смысле Макса Вебера. Это означает, что живые реальные лица могут быть представлены как смешение указанных идеальных типов.

Философ-историк чувствует творческую силу философа-поэта, она его привлекает. Но самого этого качества у него нет. Зато есть другое – зоркость объективного наблюдателя духовных, интеллектуальных, культурных явлений. Если кратко определить этот тип, то следует сказать, что философ-историк не создаёт *своего языка*. Его мысль, богатая объективированным с помощью стандартных процедур содержанием, обходится без сотворения форм собственной речи. Формы речи философ-историком берутся готовыми из профессиональной традиции. Философ-историк живой «расплав» своего мыслящего духа, своих интеллектуальных волеизъявлений разливает в готовые формы, подобно металлургу в горячем цеху. Если в душе философа-поэта строки Маяковского «Дайте новые формы!» звучат императивом, побуждающим его вместе с содержанием своей мысли творить её особую форму, то в душе философа-историка такой потребности нет. Ему достаточно готовых форм, таких, как научная статья, энциклопедическая справка, научный комментарий, научная монография... Своего языка для своей мысли он, повторю, не изобретает, не думает над ним. Так он экономит свои силы, сосредотачивая их на объективном содержании мыслей, «разливая» его по готовым формам. В научной производительности философ-историк поэтому может превосходить философа-поэта, не могущего не создавать не только философски значимое содержание мысли, но и особую форму *ad hoc* для него. Без создания своего языка у философа-поэта нет и своей философии.

Альберт Соболев мучился именно этим: формой философского текста, структурой своего языка. Особенно мучила его задача размещения в философском тексте ярких сравнений, метких цитат. Архитектоника текста, продумывание до мелочей его состава и структуры, сочетания целого с его частями были для него важнейшими философски значимыми задачами. Не столько забота о том, *что* сказать, занимала его, сколько забота о том, *как* это сказать. Содержание казалось ему более легко доступным, чем форма, которую он не мог не мыслить как форму лично окрашенную, небывалую, а потому выступающую не как данность, а как труднейшее задание. Содержание, как почти всем думающим открывается с годами, предстает скорее готовым, чем предназначенным для творческого создания, ибо мудрость человеческая существует многие тысячелетия и её запас столь велик и столь проработан и логически, и всячески, что можно просто черпать из этого кладезя. Думаю, что поэтому идея, оформляемая по традиции философами в систему, выступала в мирозерцании Альберта Соболева как нечто безусловно конечное и вторичное, как такое интеллектуальное содержание, которое не так уж сложно понять и тем самым фактически исчерпать его смысл и значение. Куда труднее и важнее, считал Соболев, постигнуть самих людей, творящих идеи и системы, людей, связанных сложными сетями взаимодействий и обстоятельств. Люди, выдвигающие идеи в определённых и подвижных лично-биографических и социально-исторических ситуациях, воспринимались и оценивались Соболевым как конкретные творящие лица или личности, находящиеся в связке целого ансамбля поколений. Личность и поколение – вот стержневые оси его персоналистической гносеологии, которую он склонен был считать неотделимой от настоящей философии как таковой. Персоналистический характер философского знания, по Соболеву, означал его безусловную включённость в конкретную национальную культуру. При этом понимать философию можно было, согласно Альберту Соболеву, только через исследование целостных культурных пластов, в контексте которых она жила и развивалась. Вживание через свой опыт, дающийся в живом внутреннем созерцании непосредственной включённости в него, вживание в конкретный историко-культурный контекст казалось Соболеву необходимой основой для понимания концептуальных

построений философской мысли. Для краткости назовем эту характеристику его миросозерцания персоналистическим культуроцентризмом. В той историко-культурной перспективе, в свете которой Альберт исследовал философскую мысль, для него, как это предполагала его методологическая программа, важно было идти как бы окольными путями, изучая прежде всего не столько сами философские системы и концепции и логику взаимосвязи составляющих их понятий (что по отношению к классике, да и не только к ней, во многом уже сделано), сколько систему образования и традиции, очаги и неформальной, и формализованной интеллектуальной активности, круги и кружки дилетантов и профессионалов, связанных со своим временем, с его структурами и институтами, но в то же время способных преодолевать инерцию среды и времени, в той или иной степени отклоняясь от их императивов вместе со всем тем, что они несли с собой.

Поэтому неудивительно, что Соболев говорил о предпочтительности жанра эссе перед жанром строго научной статьи, если речь шла о раскрытии такой темы, как его идея эстетического персонализма. Требование необходимости для любого философского дискурса научной или околонаучной, наукообразной речи им отвергалось, ибо демонстрировать эстетический персонализм может лишь «высокое косноязычие», в полной мере присущее поэту, а хотя бы в неполной – философу-поэту. Отсюда проистекала его философская апология такого «косноязычия», т.е. речи косвенной, высказываний намёками, речи непрямой. Отсюда и любимая загадочная присказка Соболева: *если надо понимать, то не надо понимать*. Присказка малопонятная на первый взгляд. Я её долго не мог понять. Считал ошибкой и абракадаброй, бравирующей нарочитым парадоксом. Но потом понял: Соболев просто хотел этим сказать, что всё решает *интуиция* как опережающее рациональную логику предвосхищение, схватывающее суть в первом решающем впечатлении, читая послание познаваемого предмета «между строк». Если речь вещей между её «строк» не схвачена, то чтение «книги мира» по буквам, по строкам, в правильном формально порядке бесполезно: главное не будет схвачено. *Высокого* косноязычия философ не должен, считал Соболев, чураться. Сами познавательные акты в своей сути – так я могу реконструировать его мысль – наделены духоподъемной силой, и потому выражающее их «высокое косноязычие» стремится проникнуть вглубь и одновременно ввысь вещей. Эссе как органически присущий философствованию жанр в силу его особенностей может казаться выстроенным «клочковато» и чересчур иносказательно, поскольку в нём на главных смыслообразующих позициях оказывается косвенная речь, пронзаемая с разных сторон зарницами метафор. Поэтому эссе, можно сказать, «петляет» по обочинам линейно выстраиваемой логики научного, а значит, плоского, в оценке Соболева, зрения. Зрение же эссеиста-философа, философа-поэта, напротив, объёмно, оно подкрадывается к сокрытому предмету не линейным ходом по готовым «рельсам» привычных форм, а непредвиденной «параболой, гневно пробивающей» потолок, скрывающий искомое «небо» самих вещей.

Мне остаётся только сказать, что говоря обо всём этом, я не только вспоминаю наши бесчисленные собеседования с Аликом Соболевым, но и свой опыт «лирика» в философии. В своём понимании философствования, отвергая догматически утверждаемый антисциентизм Соболева, я остаюсь тем не менее ближе к его позиции, чем к позициям Хоружего и Половинкина, для которых вообще эстетический фактор философской мысли не стоял в фокусе их внимания. Серёжа Половинкин, будучи самым старшим из всех нас, как стационарный преподаватель философии, получивший математическое образование, сохранил в своём понимании философии добротную научную закваску. Хоружий, самый молодой, никогда не преподававший философию в высшем учебном заведении, перенёс в философию навыки базового образования физика-теоретика. А для учёного, конечно же, на первом месте стоит

объективность знания, обеспечиваемая лежащими в его основании верными идеями и жёсткой логикой их взаимосвязи. В глазах Соболева они оба были сциентистами в философии, в число которых он зачислял и меня, как я ни старался его в том разуверить...

Список литературы

Визгин В.П. Начинаящий // *Визгин В.П.* Записки медитатора. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2022. С. 172–250.

Визгин В.П. Чистые тетради. Стихи. СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2019. 528 с.

Воспоминания об И.С. Алексееве // *Алексеев И.С.* Деятельностная концепция познания и реальности. Избранные труды по методологии и истории физики. М.: Руссо, 1995. С. 393–508.

Михайлов А.В. Избранное: феноменология австрийской культуры. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, Университетская книга, 2009. 391 с.

Соболев А.В. Борис Вышеславцев // *Соболев А.В.* О русской философии. СПб.: Мирь, 2008. С. 115–127.

Соболев А.В. О русской философии права (школа П.И. Новгородцева) // *Соболев А.В.* О русской философии. СПб.: Мирь, 2008. С. 33–64.

Remembering Albert Vasilyevich Sobolev (1936–2019)

Victor P. Vizgin – DSc in Philosophy, Chief Research Fellow. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Gonchamaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: vizgin.viktor@yandex.ru

The material is a memoir about Albert Vasilyevich Sobolev, with whom the author was familiar and friendly for more than half a century. The notes reflect the key features of A.V. Sobolev's philosophical worldview and the problems that worried him throughout his creative career – the existential and artistic principle in philosophical thought, the aesthetics of value and personal thinking, essayism, the poetics of philosophical text, personalistic knowledge, anti-scientism, personalistic cultural centrism. Memoir testimonies vividly reveal the contradictory, but consistent, creatively intense, thoughtful and heartfelt philosophical world of A.V. Sobolev. His creative work is revealed as an attempt to create a bias towards intelligent artistry in humanitarian knowledge. The essential part of the notes is devoted to the memories of friendly and creative relations between A.V. Sobolev and the author of the notes, S.M. Polovinkin, S.S. Khoruzhy.

Keywords: A.V. Sobolev, S.M. Polovinkin, S.S. Khoruzhy, Russian philosophy, aesthetic personalism, artistic approach to philosophy, personalistic epistemology, cultural centrism

For citation: Vizgin, V.P. Vspominaya Al'berta Vasil'evicha Soboleva (1936–2019) [Remembering Albert Vasilyevich Sobolev (1936–2019)], *Otechestvennaya filosofiya* [National Philosophy], 2024, Vol. 2, No. 3, pp. 85–101. (In Russian)

References

Mikhailov, A.V. *Izbrannoe: fenomenologiya avstriiskoi kul'tury* [Selected Works: Phenomenology of Austrian Culture]. Moscow; St. Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives, University Book, 2009. 391 p. (In Russian)

Sobolev, A.V. Boris Vysheslavtsev, in: Sobolev A.V. *O russkoi filosofii* [About Russian Philosophy]. St. Petersburg: Universe, 2008. P. 115–127. (In Russian)

Sobolev, A.V. O russkoi filosofii prava (shkola P.I. Novgorodtseva) [On Russian Philosophy of Law (P.I. Novgorodtsev's School)], in: Sobolev A.V. *O russkoi filosofii* [About Russian Philosophy]. St. Petersburg: Universe, 2008. P. 33–64. (In Russian)

Vizgin, V.P. Nachinayushchii [A Beginner], in: *Vizgin V.P. Zapiski meditatora* [Meditator's Notes]. Moscow, St. Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives, 2022. P. 172–250. (In Russian)

Vizgin, V.P. *Chistye tetradi. Stikhi* [Blank Notebooks. Poems]. St. Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives, 2019. 528 p. (In Russian)

Vospominaniya ob I.S. Alekseeve [Memories of I.S. Alexeev], in: *Alekseev I.S. Deyatel'nostnaya kontseptsiya poznaniya i real'nosti. Izbrannye trudy po metodologii i istorii fiziki* [The activity Concept of Cognition and Reality. Selected Works on Methodology and History of Physics], Moscow: Russo, 1995. P. 393–508. (In Russian)